

СТАТЬИ

О ПОВТОРЯЕМОСТИ В ИСТОРИИ *

Е. М. Штаерман

Среди современных буржуазных историко-философских теорий видное место занимают концепции движения исторического процесса по неким замкнутым кругам, проходящим одни и те же циклы: возникновение той или иной культуры, цивилизации, эпохи (философы и социологи разных школ по-разному интерпретируют эти понятия), их расцвет, упадок и гибель. На основании тех или иных признаков, представляющихся авторам наиболее важными, эти большие периоды истории каждого цикла делятся обычно еще и на более дробные отрезки времени, в течение которых, по мнению циклистов, повторяются явления, принимающие каждый раз специфические, конкретные формы, но имеющие тождественное содержание и значение. Так, с их точки зрения, периоды, характеризующиеся существованием отдельных независимых государств (например, греческих полисов), сменяются периодами единого, «универсального» государства (например, Римской империей); время господства религии сменяется безрелигиозностью, преобладанием научного мышления; коллективистское сознание — индивидуализмом; время великих достижений культуры — временами творческого бессилия; относительная «гармония» между правящими и низшими классами — восстаниями и революциями. Циклические концепции истории существуют со времен глубокой древности¹. В XVIII—XIX вв. они были оттеснены теориями исторического прогресса, поступательного развития человечества в целом², но с первой четверти XX в. интерес к ним снова возрастает, особенно под влиянием теорий О. Шпенглера и А. Тойнби и возникших вокруг этих теорий многочисленных дискуссий. Сами буржуазные социологи связывают это явление с кризисом западной культуры, который подорвал веру в непрерывный прогресс и обострил внимание к кризисным периодам в истории прошлого³. Циклические теории разнообразны и в зависимости от философских позиций и политических установок авторов содержат личные оценки места современности в соответственном цикле. Так, сторонники Шпенглера и Тойнби считают, что в наше время капиталистический Запад находится на положении античного мира накануне возник-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на заседании сектора методологии истории Института истории АН СССР.

¹ Историю циклических учений см.: G. Cairns. *Philosophy of History. Meeting of East and West. Cycle-Pattern Theories of History*. New York. 1962; A. Widgery. *Interpretations of History from Confucius to Toynbee*. London. 1961; P. Sorokin. *Social and Cultural Dynamics*. Vol. IV. New York. 1941, pp. 441—592.

² J. B. Bury. *The Idea of Progress*. New York. 1955.

³ R. Aron. *Introduction in the Philosophy of History*. Boston. 1962, pp. 148, 291.

новения Римской империи⁴. Они стремятся доказать это тем, что суверенные национальные государства якобы изжили себя, как некогда античные полисы, вследствие чего на очереди установление «единой универсальной империи». Из очевидного усиления роли народных масс они делают вывод о предстоящем обострении борьбы за власть, которое приведет к не виданным ранее по своим масштабам внутренним и внешним войнам, конфликтам в сфере идеологии и как следствие такого обострения социальных противоречий — к разложению демократии (под которой подразумевается буржуазный парламентаризм) и усилению «тоталитаристских» тенденций. Рост «мировых городов» и весь процесс урбанизации в целом, убыстрение темпов жизни породили, по их мнению, как в античном мире I в. до н. э., так и в современной капиталистической Европе не только утрату религии, но и аморальность, творческое бесплодие в области духовной культуры, гипертрофированный рационализм, сочетающийся с иррационализмом.

Пользуясь большой популярностью на Западе испанский философ Х. Ортега-и-Гассет отождествляет современный кризис буржуазного общества с кризисом Римской империи в III—V веках. Он исходит из теории, определяющей культуру системой лежащих в ее основе ценностей, имеющих духовный или материальный характер. Каждая из этих систем постепенно изживает себя и сменяется противоположной. Одновременно меняется и весь характер культуры (под которой он понимает совокупность экономических, социальных, политических отношений), характер науки, искусства, мировоззрения и психологии людей. Культура Рима вплоть до II в. н. э., как и современная буржуазная культура, зиждутся, по его мнению, на материальной системе ценностей. Глубокий кризис Рима привел к рождению новой духовной культуры, процветавшей до XIII в., когда она, в свою очередь, изжила себя и после двухвекового кризисного переходного периода сменилась современной культурой. Достигнув расцвета в XIX в., она ныне, по мнению Ортега-и-Гассета, подходит к концу своего существования, чтобы по прошествии какого-то исполненного катастрофами и страданиями периода возникнуть снова в виде духовной, абсолютной системы ценностей и соответствующей этой системе культуры, подобной раннеантичной и ранне-средневековой⁵.

Наконец, такие авторы, как А. Вебер и К. Ясперс, не являющиеся в собственном смысле циклистами, но также пытающиеся на основании прошлого оценить современную ситуацию, считают ее более катастрофической, чем какие бы то ни было ситуации в прошлом человечества. Они утверждают, что невиданное развитие техники порождает «омассовление» и «технизацию» человека, истощение его творческих сил, крах идей «свободы», созданной «западной цивилизацией», грозящий уничтожить самый тип одухотворенного, мыслящего человека, сложившийся с началом писаной истории (по Веберу), или в эпоху 800—200 гг. до н. э. («осевое время», по Ясперсу), породить людей-роботов, людей-муравьев. Согласно Веберу, это будет означать конец всей предыдущей истории человечества. Ясперс допускает возможность начала совершенно нового, большого цикла истории, в котором наше время будет играть роль того неизвестного доисторического периода, когда человечество, выйдя из животного состояния, делало свои первые технические изобретения и научные наблюдения; спустя некий необозримый промежуток

⁴ Характерна в этом смысле книга J. de Beus. *The Future of the West*. New York. 1953. Автор ее, нидерландский дипломат, руководствуясь чисто практическими целями — наметить стоящие перед политическими деятелями капиталистического Запада задачи, — суммирует мысли Н. Я. Данилевского, Шпенглера и Тойнби о перспективах и историческом месте европейской цивилизации.

⁵ J. Ortega-y-Gasset. *Man and Crisis*. New York. 1958; «*Uno Interpretacion de la Historia en torno a Toynbee*». Madrid. 1959.

времени оно, может быть, придет к новому «осевому времени», ни характер, ни результаты которого автор не считает возможным предвидеть⁶.

Современные циклические теории реакционны. Для них типичны все возрастающий пессимизм, граничащий с апокалиптическими пророчествами всеобщей гибели, если человечество не «опомнится» и не найдет «нового пути»; исключительное внимание к религии как к основному, если не единственному фактору, будто бы пробуждающему творческие силы общества и ставящему перед ним положительные цели и идеалы; более или менее откровенно выраженное презрение к «низшим классам», противостоящим как аморфное начало «творческому меньшинству», «духовной элите», якобы составляющей единственную движущую силу истории; идеализация ранней античности и раннего средневековья как периодов господства веры, традиции, патриархальных отношений.

Эти тенденции порождены кризисом, который переживает современная буржуазная культура и который, таким образом, отражается в сознании той части буржуазной «гуманитарной» интеллигенции, которая потеряла связь с действительностью и ее запросами. Отсюда ставшие стереотипными жалобы на «массы», предпочитающие «сенсации» кино и стадионов истинной культуре. Отсюда призывы А. Вебера к «духовной элите» направить все усилия, чтобы повлиять на техническую интеллигенцию и рабочих, дабы нейтрализовать «зло», чинимое развитием техники. Как циклизм, так и питающие его апокалиптические настроения вызвали ряд возражений среди другой части западной буржуазной интеллигенции. Очень знаменательна в данном отношении книга Е. Карра⁷. Известный специалист по истории СССР, хорошо знакомый с трудами основоположников марксизма-ленинизма, Карр обладает значительно более широким кругозором, чем многие его коллеги. О современном кризисе, иронически отмечает Карр, больше всего кричат профессора, раньше имевшие прислугу, а теперь вынужденные сами вести свое хозяйство. Они не понимают, пишет он, что ни одно государство, ни одна нация, ни один класс не могут вечно занимать господствующее положение, и ослабление своих позиций за счет выдвигания других, более передовых сил принимают за абсолютный упадок и регресс. Карр далеко не одинок в критике циклизма, но последний все же продолжает играть на Западе значительную, если не господствующую, роль. Дело в том, что в буржуазной науке критика циклизма идет не только и, пожалуй, не столько по пути, намеченному Карром, сколько по линии отрицания возможности познать какие бы то ни было исторические закономерности. Между тем потребность в теории исторического процесса существует. На состоявшейся в июне 1961 г. в Серези конференции, посвященной наиболее популярному представителю современного циклизма — А. Тойнби, французский ученый Ф. Моро отметил, что в его стране Тойнби не встретил широкого признания в силу огромного влияния там марксизма. Напротив, по словам американского ученого Р. Латтимера, в США Тойнби имеет большой успех именно потому, что его стройная концепция представляется действенным противовесом марксизму. Французский историк М. Крюбейе объясняет распространение циклизма потребностью связать историю с современностью и извлечь какие-то прогнозы для будущего, которое «будет более мирным и счастливым, чем настоящее»⁸. Таким образом, следует иметь в виду, что циклизм находит отклик в тех кругах буржуазных ученых, которые, не удовлетворяясь концепциями непознаваемости исторического процесса, вместе с тем активно не принимают марксистско-ленинскую теорию прогресса. Те же обстоя-

⁶ K. J a s p e r s. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich. 1949; A. W e b e r. Der dritte oder der vierte Mensch. München. 1953.

⁷ E. K a r r. What is History. London. 1962.

⁸ «L'Histoire et ses interprétations. Entretiens autour de Arnold Toynbee». Sous la direction de R. Aron. Paris. 1961, pp. 16, 26—31.

тельства, видимо, объясняют распространение возникших под влиянием циклических концепций поисков исторических аналогий или прямого отождествления современной исторической ситуации с различными периодами древности. Представление об античности как обществе, в котором все исторические процессы происходили в наиболее «чистой», законченной, так сказать, классической, форме и могли служить своего рода образцами для историков, очень типично для новой и новейшей буржуазной историографии.

Всякое мало-мальски крупное событие всегда заново оживляло интерес современных ему историков к тем событиям и явлениям древности, которые, как казалось, имели какие-то сходные с ним черты. Сколько раз каждое поколение историков, а часто и политиков, обращалось к истории гражданских войн в Риме, к фигурам Цицерона, Цезаря, Августа, давая им все новые интерпретации и оценки! И сразу же после окончания второй мировой войны на Западе появилось множество посвященных тем же событиям и деятелям книг, в которые авторы вкладывали всю страсть, порожденную их современными политическими симпатиями. Известный реакционный французский историк Ж. Коркопино, бывший министром вишийского правительства, превозносил гений и победы Цезаря, всячески пороча римских республиканцев. Поклонники Черчилля в Англии и Америке сравнивали его с Цицероном, восхваляя самоотверженную, хотя и неудачную борьбу последнего за «спасение демократии». Те, кто мечтал о «твердой власти», достаточно «сильной», чтобы бороться с коммунизмом, но не доходящей до крайностей фашистской диктатуры, избирали своим героем Августа. Во второй половине XIX и в XX в. сопоставление античности и современности играло и более серьезную роль, нередко служило для постановки и попыток разрешения некоторых общих вопросов социальной истории. Так, в XIX в. значительное внимание уделялось проблеме «цезаризма» (под этим термином, иногда отождествлявшимся с «бонапартизмом», подразумевалась монархия или реакционная диктатура, следовавшая за поражением революции) как социального феномена, по мнению ряда историков того времени, значительно более древнего, чем Цезарь, и повторявшегося спустя много веков после его смерти⁹. Большой интерес в свое время вызвала известная книга Р. Пельмана «История античного коммунизма и социализма», сопоставлявшая, а зачастую и отождествлявшая греко-римские социальные теории с современными. Не слишком задумываясь над правомерностью и смыслом таких сопоставлений и обобщений, историки часто характеризовали римскую сенатскую знать как феодальное дворянство, римских всадников — как капиталистов, соответственно трактуя имевшиеся между ними конфликты. Обобщающими в этом смысле для конца XIX — начала XX в. были труды Эд. Мейера. Определенным этапом в этом плане явились работы М. Ростовцева, оказавшего значительное воздействие на формирование концепции Тойнби (по собственному признанию последнего), так же как и на историков более поздней генерации, в подходе к проблемам римской истории. На материале возникновения и гибели Римской империи, которые он считал результатом революций, совершившихся в I в. до н. э. и в III в. н. э., Ростовцев пытался решить вопрос о причинах, ходе и результатах крестьянских революций, направленных против городской буржуазии. Его резко отрицательное отношение к Великой Октябрьской социалистической революции, которую он надуманно пытается сопоставить с кризисом III в., положившим начало упадку античной культуры и государственности, предопределило выводы, вызвавшие многочисленные возражения даже среди западных буржуазных историков. Тем не менее вопрос о характере, ходе и результа-

⁹ Историографию вопроса см. Н. А. Машкин. Принципат Августа. М. 1949, стр. 74—86.

тах революций в античном мире все более привлекал внимание буржуазной историографии. Одно из ее направлений, преобладавшее до войны, вслед за Ростовцевым отождествляло античные революции с революциями современными. Авторы, принадлежавшие к этому направлению, призывали извлечь соответствующие выводы из опыта древних греков и особенно римлян. Одни предлагали принять меры для некоторого улучшения положения масс, другие — для их подавления и «обуздания»¹⁰. Разница между античным миром и современностью в их работах почти стиралась; бытовали даже такие понятия, как «рабский интернационал», «пролетарская революция» (применительно к рабским восстаниям II—I вв. до н. э.). Представители другого течения, возобладавшего в послевоенные годы, доказывали, что в древности, и в частности в Риме, классовой борьбы и классовых противоречий не было, да и вообще о классах в том смысле, в котором это применимо по отношению к капиталистическому обществу XIX в., для того времени вряд ли может идти речь. Восстания рабов, по мнению этих историков, вызывались случайными причинами, а с течением времени противоречия между рабами и свободными вообще сгладились мирным путем, без всякой революции. Подобная точка зрения была широко представлена в посвященных античному рабству докладах С. Лауфера и Ф. Виттингера на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме (1960 г.), а также в ряде работ майнцской группы историков, специально занимающихся под руководством профессора И. Фогта исследованием римского и греческого рабства. Казалось бы, эти историки далеки от модернизаторской концепции «античного капитализма», но, не говоря об этом прямо, они, несомненно, исходят из соответственного понимания ими современности. Их точка зрения органически вытекает из широко распространенных в современной буржуазной социологии утверждений, что открытые К. Марксом законы классовой структуры общества и классовой борьбы будто бы действительны только для XIX в., а поэтому их нельзя переносить ни на современное капиталистическое, ни на докапиталистические общества, что самое определение классов, принятое марксизмом, неприемлемо для этих обществ¹¹, что периоды, когда острая классовая борьба существовала, являются исключением в истории. В древности будто бы она сгладилась мирно, без революций; то же якобы может произойти и теперь, на новом, не предвиденном К. Марксом этапе развития капитализма. Таким образом, античность и здесь привлекается прямо или косвенно для обоснования желательных для упомянутых авторов выводов.

В советской историографии неоднократно подвергались критике как теории циклизма, так и модернизация истории. Однако критика эта страдала известной односторонностью. Естественная реакция против попыток стирания граней между формациями, еще имевшая место в нашей литературе 20-х годов, заставляла, например, античников обращаться в первую очередь к выявлению особенностей античного рабовладельческого способа производства, отличавших его от всех прочих. Задачу эту еще нельзя считать выполненной до конца, многое остается до сих пор спорным, но все же в результате ряда дискуссий и исследований чер-

¹⁰ Типична в этом смысле погромная книга: J. Heaton. *Mob violence in the late Roman Republic*. Illinois. 1939; см. также: F. Marsch. *Modern Problems in the Ancient World*. London. 1940. H. Frish. *Cicero's fight for the republic*. Kobenhavn. 1946; L. Ross Taylor. *Party politics in the age of Caesar*. Los Angeles. 1949; R. Wilkin. *The eternal lawyer*. New York. 1947; «Historia mundi», t. IV, Bern, 1956, и др. Подробнее см. Е. М. Штаерман. Современная американская литература по древней истории. «Вестник древней истории», 1949, № 4, стр. 201—210.

¹¹ Разбор соответственных теорий см. в работах: С. Чернеа. Против буржуазных измышлений о классах. М. 1963; Н. Ирибаджак. Современные критики марксизма. М. 1962, стр. 202—245.

ты, определяющие рабовладельческий способ производства, составлявший базис античного общества, выделены с достаточной четкостью. Вместе с тем в силу той же реакции против всего сколько-нибудь похожего на «модернизацию» в работах 40—50-х годов в значительной мере игнорировалось исследование тех исторических закономерностей, которые могут быть присущи различным (в первую очередь антагонистическим) социально-экономическим формациям. Долгое время такой вопрос даже не ставился в нашей науке, и существовало мнение, что единственным, присущим всем формациям законом является только закон обязательного соответствия уровня развития производительных сил характеру производственных отношений. Объявляя «модернизацией» сопоставления явлений и процессов, имеющих место в разных формациях, мы даже не пытались выяснить, нет ли в этих сопоставлениях какого-нибудь смысла, какого-то рационального зерна, и тем самым обедняли не только свои возможности полемики с буржуазными историками и социологами, но и собственную науку.

Известный историк А. Марру, выступая на упоминавшейся выше конференции в Серези, между прочим заметил: «Изучая чужую цивилизацию, стараясь ощутить ее оригинальность, историк делает это не для абсурдного удовольствия воскликнуть: есть люди не такие, как я,— а для того, чтобы завязать с этой иной цивилизацией диалог, помогающий понять собственные особенности»¹². В самом деле, какой смысл в изучении античного мира, если оно ничего не может дать для более глубокого понимания общесторических закономерностей, имеющих какое-то значение для более полного понимания современности? Только живой отклик на ее проблемы может сообщить актуальность и интерес изучению прошлого. Все дело в том, как понимать такой отклик: в форме ли поверхностных, эфемерных аналогий, беспочвенных прогнозов и составляющихся на такой основе теорий, рассчитанных на потребность в самутверждении современного капитализма, или в форме попыток выявить общие закономерности, действовавшие на разных ступенях исторического развития, установить, какие сходные явления и процессы, по каким причинам и с какими результатами могут иметь место в разных исторических условиях, а что неповторимо и характерно лишь для какой-то определенной формации. При этом следует иметь в виду, что соответственные попытки отнюдь не тождественны с переходом на позиции циклизма. Напротив, с ним скорее перекликается представление о некоей глухой стене между формациями, подобной стене между замкнутыми, изолированными друг от друга циклами.

Циклизм, по существу, отрицает прогресс, если не в технике, то в социальных отношениях. Для циклистов коренное переустройство общества, победа коммунизма представляются нереальными, так как, с их точки зрения, классовые антагонизмы все вновь и вновь возрождаются, то затухая на ранних ступенях циклов, то обостряясь в периоды их завершения. Изучение же повторяемости в истории, как мы постараемся далее показать, напротив, позволяет убедиться в ограниченности ее роли по сравнению с ролью поступательного движения истории, поскольку сходные явления и процессы в разных условиях неизбежно имеют результаты коренным образом различные и в иных условиях неповторимые. Вместе с тем повторяемость помогает понять основы преемственности между формациями, например, в культуре.

В последнее время в советской историографии уже стали раздаваться голоса, призывающие пересмотреть проблему повторяемости не только в рамках одной, но и в различных формациях. Так, например, Э. С. Маркарян в книге, посвященной критике концепций Шпенглера и

¹² «L'Histoire et ses interpretation», p. 51.

Тойнби, пишет, что нельзя игнорировать соотношение общего, повторяющегося и особенного в общественном развитии, взятом не только «по горизонтали», то есть в пределах одного способа производства, но и «по вертикали», в качественно различных социально-экономических системах¹³. Особый интерес в данной связи представляет работа Б. М. Кедрова «О повторяемости в процессе развития», в которой повторяемость анализируется, с одной стороны, «как один из элементов марксистско-ленинской диалектики, связанный непосредственно с отрицанием отрицания», обуславливающий «частичный возврат к тому, что уже однажды возникло в процессе развития, а в последующем исчезло, подверглось отрицанию», а с другой стороны, как повторяемость на одной ступени развития¹⁴. Б. М. Кедров подчеркивает относительность повторяемости, находящейся в диалектическом единстве со своей противоположностью — неповторимостью. Концепция полной повторяемости, то есть движения истории по кругу, столь же неправильна и односторонняя, как и отрицание всякой повторяемости, то есть представление о развитии как непрерывном поступательном движении по прямой линии. Поскольку, продолжает Б. М. Кедров, социальное развитие идет по спирали, его поступательность содержит единство с элементами циклизма. Повторение пройденного происходит не полностью, а лишь в некоторых чертах и особенностях и не означает механического повторения старого в новых условиях¹⁵.

Основоположники марксизма-ленинизма, борясь с перенесением законов капиталистического способа производства на докапиталистические отношения и вообще с попытками провозгласить какие-то «вечные истины», действительные для любого общества, тем не менее не отвергали исторические сопоставления и аналогии, не отрицали известных закономерностей, действовавших в различных формациях, — однако при обязательном учете того влияния, которое оказывала вся совокупность условий, определявших характер данного способа производства. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что введение металлических денег приводило в действие ряд законов, имеющих силу для всех стран и исторических периодов. В странах, в которых велось натуральное хозяйство, введение металлических денег всегда было соединено с более или менее быстрым преобразованием прежнего распределения и усиливало противоположность между богатыми и бедными. Оно способствовало распространению товарной формы производства на хозяйство производящих общин, разрывало их традиционные связи, превращало членов общины в группу отдельных частных производителей¹⁶. Частная собственность работников на средства производства есть основа мелкого производства, на определенном этапе составляющего, как указывал К. Маркс, необходимое условие развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Оно встречается и при рабстве и при крепостничестве, но достигает полного расцвета лишь там, где работник становится свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда. Этот способ производства совместим лишь с узкими, традиционными границами производства и общества, на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают действовать силы и страсти, которые были скованы прежним способом производства, — он должен быть уничтожен, и он уничтожается¹⁷. Снова возвращаясь к этому вопросу в III томе «Капитала»,

¹³ Э. С. Маркарян. О концепции локальных цивилизаций. Ереван. 1962, стр. 168, 176—177.

¹⁴ Б. М. Кедров. О повторяемости в процессе развития. М. 1961, стр. 3—4.

¹⁵ Там же, стр. 19, 39—40.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 150, 317.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 832—833.

К. Маркс писал, что свободная парцеллярная крестьянская собственность составляла, с одной стороны, экономическую основу общества в лучшие времена классической древности, а с другой — у современных народов она является одной из форм, возникающих в результате разложения феодальной земельной собственности. К. Маркс перечислял причины гибели крестьянской собственности, большинство которых действовало и в античном и в капиталистическом мире: концентрация земли в древней Италии, превращение земли в пастбища вызывались обычными, действующими еще и сейчас экономическими причинами¹⁸. С развитием частной собственности в недрах античной собственности впервые возникают «явления, которые мы встретим впоследствии — только в более обширном масштабе — в современной частной собственности... концентрация частной собственности... и превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, благодаря своему промежуточному положению между имущими гражданами и рабами не получил совершенно самостоятельного развития»¹⁹. Вместе с тем, сравнивая экспроприацию римских крестьян, образование крупных денежных капиталов и крупной земельной собственности в Риме со сходными процессами в период развития капитализма, К. Маркс подчеркивал, что в Риме это привело к становлению не капиталистического, а рабовладельческого способа производства. «Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической среде, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории... наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»²⁰.

Сходные явления в базисе порождают и сходные явления в надстройке. «Там, где уцелел древний общинный быт,— замечал Ф. Энгельс,— он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма. Только там, где он распался, самостоятельное развитие пошло вперед...»²¹. Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития, писал Ф. Энгельс, нравственные теории должны более или менее совпадать. «...У всех обществ, построенных на началах частной собственности, должна была быть общая нравственная заповедь — не укради... Так как общество до сих пор развивалось в классовых противоречиях, то и мораль была всегда классовой моралью; она или оправдывала господство и интересы господствующего класса или отражала возмущение угнетенного...» Пока известный способ производства находится на восходящей стадии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в накладе от соответствующего ему способа распределения, и протесты раздаются лишь со стороны выходцев из самого господствующего класса, не находя у эксплуатируемых никакого отклика. Только когда данный способ производства уже в значительной степени пройдет нисходящую стадию своего развития... и в дверь уже стучится его преемник, только тогда становящееся все более неравномерным распределение начинает казаться несправедливым, только тогда начинают от отживающей действительности апеллировать к так называемой вечной справедливости²². Подчеркивая всю разницу и классовой структуры и классовой борьбы в различных формациях, К. Маркс и Ф. Энгельс таким образом выявляли и некоторые

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 371—372.

¹⁹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. I. М. 1924, стр. 254—255.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 378.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 183.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 94, 152, 270.

общие для всех их закономерности. Энгельс в работах о раннем христианстве считал возможным сравнивать его не только с ересями периода крестьянских войн, но и с ранними формами рабочего движения, как с точки зрения организации, так и с точки зрения идеологии, хотя, конечно, Ф. Энгельса, давшего классический анализ условий возникновения христианства и его особенностей, никто бы не решился обвинить в «модернизации».

Думается, что приведенные примеры в достаточной мере иллюстрируют отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к вопросу о повторяемости явлений и процессов на разных ступенях развития общества и об общих для них закономерностях. Некое явление, раз возникнув в базисе или надстройке, порождает в разных обществах сходные процессы. Но интенсивность этих процессов, их конкретные формы и результаты зависят от общих условий, характерных именно для той ступени, на которой они протекают. Аналогичные процессы, происходящие в базисе формации, например, начало и дальнейшее обострение кризиса способа производства, порождают соответствующие изменения в политической и идеологической сфере: обострение политической борьбы, осознание несправедливости существующего строя и другие; однако то, какие конкретные формы примут политическая борьба и критика строя, зависит от характера и структуры формации.

Но что же можно считать повторяющимся, или, вернее, развивающимся по общим закономерностям, а что, помимо уровня развития техники (эту особенность современного общества не отрицают даже самые «заядлые» циклисты, хотя и пытаются иногда преуменьшить ее значение), неповторимым и особенным для каждой формации? Каким образом следует, с нашей точки зрения, подойти к вопросу о повторяемости в истории, исходя из позиций исторического материализма, то есть последовательной смены определенных формаций и спиралевидного характера развития исторического процесса? Некоторыми из наших ученых высказывались соображения о необходимости проследить повторяемость, так сказать, в больших масштабах, крупных обобщениях, — повторяемость исторических ситуаций или эпох, «возвращающихся» на новом уровне к выполненным или невыполненным историческим задачам, уже некогда стоявшим перед человечеством, материальным или духовным, постоянно сменяющимся и определяющим характер эпохи как неразложимого целого, имеющего и не имеющего сходство с другими. Соображения эти весьма интересны, но, пожалуй, при настоящем состоянии проблемы скорее могут быть лишь некоей отдаленной целью. Как ни заманчиво сравнение между эпохами, историческими ситуациями в их целостности, вряд ли оно может быть осуществлено без предварительного анализа и сравнения их отдельных составляющих — необходимой предпосылки всякой классификации. В нашей науке много сделано для разработки учения о современной эпохе, но еще недостаточно для всестороннего и полного понимания, а также сопоставления более ранних исторических эпох и ситуаций. Поэтому для начала следует попытаться остановиться на некоторых частных аспектах и причинах повторяемости.

Одной из таких причин является то, что некоторые элементы наследуются формацией от других, предыдущих этапов исторического развития. Этот тип повторяемости дает скорее внешнее, не затрагивающее сущности явления сходство. Таково, например, сходство между формой торговых или финансовых операций в разных обществах; нормы, заимствованные буржуазным правом из римского, внешний облик городов и некоторых форм городской жизни. Другой тип повторяемости связан со сходством ряда процессов и явлений, присущих определенной стадии развития формации. Так, в период становления антагонистических формаций, когда массы свободных мелких собственников экспроприируются и превращаются в рабов, зависимых земледельцев или пролетариев,

особенно жестоки направленные против них законы и особенно бесчеловечно отношение к ним господствующего класса. Другой пример — обострение классовой борьбы и усиление роли государства к концу существования антагонистических формаций. Можно было бы привести и еще ряд примеров. Здесь важно подчеркнуть необходимость в каждом конкретном случае учитывать характер сходства явлений и процессов, учитывать, основано ли оно на сходстве их происхождения или их функций. В первом случае оно будет более глубоким, во втором — более поверхностным. Так, нельзя, например, сопоставлять любые произвольно взятые государства на том основании, что они осуществляли «сильную власть», как это зачастую делается в буржуазной литературе, без учета генезиса и классовой природы этих государств. Такие сопоставления затемняют картину и ведут к поверхностным выводам.

Более сложным и спорным является способ выявления повторяемости, связанный с понятиями общественных систем и структур, то есть структурным анализом, который некоторые наши историки и философы пытаются в последнее время применить к изучению истории²³. Существует мнение, что попытки эти неоправданны, так как ничего не прибавляют к понятиям формации, способа производства, базиса и надстройки. Однако с этой точкой зрения вряд ли можно согласиться. В частности, для проблемы повторяемости она была бы оправдана, если можно было бы считать (такой взгляд довольно распространен), что, скажем, базисные явления (уровень развития производительных сил, производственные отношения) неповторимы, тогда как надстроечные, и прежде всего в области духовной культуры, повторяются. По первому впечатлению такое предположение кажется оправданным. В самом деле, мы не найдем в прошлом ни техники, достигшей уровня современной, ни капиталистических отношений, но легко обнаружим более или менее значительное сходство — если не в деталях, то в общем направлении — между некоторыми современными западными и позднеантичными философскими течениями (например, между экзистенциализмом и неоплатонизмом) или между современными и эллинистическо-римскими циклическими теориями с их отрицанием прогресса, пессимизмом, идеализацией ранних исторических периодов. Но, очевидно, дело здесь обстоит сложнее. Как мы видели на примерах приведенных выше высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, сходные явления и процессы возможны и в базисе, и в надстройке, и во взаимосвязях между ними, что дает право выделить системы явлений и процессов, включающие и базисные и надстроечные элементы со своими особыми отношениями, которые могут в известных пределах воспроизводиться при разных условиях. Таков, например, процесс разложения свободной парцеллярной крестьянской собственности в его связи с базисными элементами (товарно-денежные отношения), с элементами надстроечными (крестьянская идеология соответствующих периодов) и его внутренними связями и их перестройкой (разрушение связи крестьянина со средствами производства и трудовой собственностью и возникновение новых связей, характер которых определяется конкретно-историческими условиями). Исследовать этот процесс в целом с его повторяющимися и неповторяющимися особенностями должно исходя не только из понятия формации, базиса и надстройки, которые объясняют развитие всего исторического процесса и его специфику на каждом отдельном историческом этапе, но и из понятия системы и ее структуры, раскрывающих движение процесса не только в рамках отдельной формации, но и, по нашему мнению, в разрезе нескольких формаций.

²³ В. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М. 1961; М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. «Вопросы философии», 1964, № 1С.

Всякое явление, всякий процесс могут рассматриваться как система, состоящая из элементов, находящихся в определенной взаимосвязи. Характер, законы этих связей определяют структуру данного явления или процесса. Каждая данная система входит в состав какой-либо иной, более сложной и обширной системы (суперсистемы), по отношению к которой представляет собой один из элементов, в свою очередь, определенным образом связанный с другими элементами той же суперсистемы, как и с ней самой в целом. Элементы могут быть основными, определяющими систему и ее структуру и второстепенными, связи — более или менее прочными и устойчивыми. Самые же системы могут быть более или менее интегрированными. Наиболее высоко интегрированы такие системы, все (или основные) элементы и структура которых изменяются одновременно или в которых изменения одного элемента непосредственно влекут за собой изменения других²⁴. Если элементы до известных пределов могут эволюционировать автономно, не вызывая изменений в других элементах и характере связей, то это свидетельствует о том, что такая система слабо интегрирована. В суперсистему могут входить и более или менее случайные сочетания элементов — конгломераты, органически не связанные с системой, ее структурой и эволюцией²⁵.

Для нашей темы особенно важны соображения о более или менее интегрированных системах, а также о способности структуры включать большее или меньшее количество определяющих элементов, на что обычно обращается внимание в исследованиях, так или иначе затрагивающих проблему систем, структур и их изменений²⁶. Это соображение дает нам возможность, учитывая, что всякая социально-экономическая формация является очень сложной суперсистемой, выделить ту высокоинтегрированную систему, включающую определяющие базисные и надстроечные элементы и их взаимосвязи, которая неповторима ни при каких других обстоятельствах и обуславливает специфический характер данной формации. С другой стороны, оно позволяет выделить и менее интегрированные системы и, возможно, конгломераты, которые, испытывая влияние системы в целом и оказывая какое-то влияние и на нее, все же не являются для системы основными и могут — возможно, в несколько иных сочетаниях, в иной роли — входить также в другие сложные системы, в иные формации и тем обуславливать известную

²⁴ Американский социолог П. Сорокин в указанной нами работе приводит в качестве примера высокоинтегрированной системы совершенное произведение искусства, элементы которого настолько органично связаны, что ни один из них не может быть изменен или удален без разрушения единства целого. P. Sorokin. *Op. cit.* Vol. I, pp. 6—53; vol. IV, pp. 97—192; «Toynbee and History». Boston. 1956. pp. 179—182.

²⁵ Против понятия «конгломераты» выступали многие, ссылаясь на то, что и явления, не составляющие главных, определяющих элементов системы, все же связаны с ней, имеют почву для существования, обуславливаются определенными причинами, что их нельзя отключить от реально существующей действительности. Думается, однако, что тут произошло некоторое смещение понятий. Естественно, что в реальной, многообразной действительности ничто не является беспричинным и при изучении ее не должно быть упущено из виду. Но при анализе систем и их структур могут учитываться лишь главные, определяющие элементы. Так, в своих конкретно-исторических исследованиях К. Маркс уделял огромное внимание крестьянству, но не считал нужным особо учитывать крестьянскую собственность в «Капитале», очевидно, именно как неосновной элемент капиталистической системы, хотя крестьянская собственность здесь выступает как менее интегрированная система, а не конгломерат. Конгломераты — это части, сколько-нибудь иных систем, не связанных органически с основными компонентами данной системы, ее структурой и эволюцией, хотя, конечно, какую-то почву для существования они имеют и какое-то влияние оказывают. Можно, например, найти причины живучести суеверий, входивших некогда как органические компоненты в систему первобытной магии и религии, но вряд ли можно считать суеверия интегрированными компонентами социалистической системы.

²⁶ См., например, В. И. Свидерский. О диалектике элементов и структуры. М. 1962; его же. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л. 1964; В. Г. Афанасьев. О принципе классификации целостных систем. «Вопросы философии», 1963, № 5; Л. О. Вольт. Соотношения структуры и элементов. Там же.

повторяемость процессов и явлений, хотя формы, которые будут принимать эти явления, и результаты этих процессов могут быть различны в зависимости от характера их связей со всей системой в целом, их роли и места в ней.

Основной и определяющей для формации является та система базисных и надстроечных элементов, которая определяется господствующим способом производства, формой собственности, формой эксплуатации непосредственного производителя, структурой производственных отношений, обуславливающей социальную структуру общества, основной и неосновные классовые антагонизмы, характер классовой борьбы, характер государства, права, идеологии и духовной культуры. Так, во все время существования античного мира основой его являлись античная форма собственности и античный способ производства при всех их модификациях в пространстве и времени, вызванных конкретно-историческими условиями. С предельной четкостью они выступали в античном полисе. Но и с разложением независимых городов-государств и возникновением крупных монархий, в частности Римской империи, они продолжали существовать в двояком аспекте. С одной стороны, в городах основных ячейках и опоре империи; с другой — в единстве и взаимообусловленности частной и государственной собственности, поскольку государство, персонифицировавшееся в императоре, выступало как верховный собственник земли, частные же собственники — как владельцы или держатели своих участков. Этим определялись права и взаимные обязанности граждан и государства не только в свободном полисе, но и в империи как права и обязанности императоров и подданных, граждан и магистратов городов. В принципе предполагалось, что каждый гражданин имеет право на участие в пользовании государственным имуществом, а следовательно, на тот или иной вид субсидии со стороны города или государства и на участие в качестве члена народного собрания в управлении этим имуществом и в политической жизни.

Эти черты античной формы собственности исключали в принципе порабощение сограждан и широкое развитие таких форм эксплуатации, как крепостничество и наемный труд. Обезземеленный крестьянин мог превратиться в люмпен-пролетария, «живущего за счет общества» именно потому, что он, как гражданин, имел право на долю государственного имущества, и право это реализовалось в виде наделения тем или иным способом неимущих земель из общественных фондов либо в виде раздачи за счет государства или города, осуществлявшихся полисными властями, императорами, городскими магистратами. В условиях господства античной формы собственности единственной широко применимой системой эксплуатации могла стать эксплуатация неграждан. На более ранней ступени она выступала иногда как господство общин-победителей над прикрепленными к земле членами побежденных общин там, где не имело места завоевание, а на более высоких ступенях — в виде развитого античного рабства.

Античной формой собственности определялись и особенности классовой борьбы среди свободных: борьба за землю, поскольку только обладание землей делало гражданина таковым в полном смысле слова; борьба за раздачу, реализовавшие права граждан на участие в пользовании государственным имуществом; борьба за права гражданства, закреплявшего владение землей и открывавшего доступ к новым землям и раздачам, и, наконец, борьба за такой государственный строй, который, по мнению ее участников, мог в наиболее полной мере обеспечить все эти права. Еще более специфичными были формы классовой борьбы рабов, которые (в отличие не только от современного пролетариата, но даже от феодальных крестьян, составлявших при всех ограничениях часть общества, церкви, сельской общины) полностью стояли вне античного общества и его институтов. Отсюда и отмеченная Ф. Энгельсом

невозможность для античных рабов освободиться как класс, поскольку для класса рабов в социальной иерархии древности не могло быть места. Это вместе со значительно более широкой, чем для крепостных, возможностью индивидуального освобождения рабов было одним из важнейших препятствий к развитию классового самосознания рабов — особой идеологии, резко отличной от идеологии других социальных слоев, страдавших от существующих отношений и выступавших против них на политическом или идеологическом фронте. Специфика античной формы собственности обуславливала также особую роль античного государства и ряд особенностей социальной психологии и идеологии граждан, например, представления о сочетании личного и общественного, о шкале обязанностей и добродетелей, отношение к людям, миру, божеству и т. п.

Все эти элементы составляли полностью интегрированную систему. Входя в нее, они обретали свойства, которыми не обладали или обладали лишь в незначительной степени в других системах. Так, например, мелкий землевладелец времен расцвета античной формы собственности — это отнюдь не крестьянин эпохи феодализма или капитализма, а античная полисная демократия лишь с большой натяжкой (даже чисто внешне) может быть сопоставлена с демократией буржуазной. Компоненты системы взаимосвязаны, изменения в одних из них вызывают изменения в других и в системе в целом. Когда в античной форме собственности ее частный аспект начинает все более преобладать над общественным, значительные изменения претерпевают и экономика, и социальная структура со всеми ее элементами и связями, и государственный строй, и идеология. Со своей стороны, изменения в социальной структуре, например, возрастание числа рабов и повышение удельного веса рабского труда в разных отраслях производства, влияли на все остальные элементы. Когда, наконец, в последний период существования Римской империи античная форма собственности почти полностью разложилась, старая структура, уже не соответствовавшая элементам системы, обрела качественно новое и нестабильное состояние, с преобразованными связями и взаимозависимостями как старых, так и возникших новых элементов.

По-видимому, эта основная система связей, определяющая структуру формации соответственно наибольшему числу главных элементов, и будет то неповторимое, что отличает каждую формацию от другой. До некоторой степени она определяет и входящие в суперсистему менее интегрированные системы, а также некие конгломераты. Таковы, например, наемный труд в античности или рабство в капиталистическом обществе. Они могут иметь черты сходства, обусловленные внутренними особенностями. Например, рабы независимо от формации не заинтересованы в труде, работают только по принуждению, а потому при рабстве всегда могут применяться лишь более простые орудия производства и большую роль играет «труд надзора». Но эти менее интегрированные системы, а также конгломераты приобретают различное значение, когда вступают во взаимодействие с системой в целом. Например, рабовладельческое хозяйство в условиях существования капиталистического рынка подвержено действию иных законов, чем рабовладельческое хозяйство в античном обществе простых товаропроизводителей при преобладании натурального хозяйства. Наличие подобных конгломератов, которые являются таковыми в одной системе, тогда как в другой они подчас составляют ее основные элементы, могут обуславливать известные аналогии как в явлениях, так и в процессах. Следует учитывать также возможность превращения внешних для данной системы элементов в ее внутренние компоненты. Особенно большое значение это может иметь при изучении культурных заимствований, их характера и трансформации в новой системе. Например, до какого-то предела элементы эллинской культуры в Риме могли оставаться внешними и лишь с со-

ответственными изменениями всей системы римского общества вошли в нее как интегрированные элементы. Еще сложнее такая трансформация будет при культурных заимствованиях между разными формациями, когда может измениться роль и значение подобных элементов.

В гораздо большей степени, чем конгломератами, повторяемость обуславливается системами, которые в одном случае полностью интегрированы со своими суперсистемами, в другом же связаны с ними слабее. Так, товарно-денежные отношения входят как основной компонент в систему капитализма и как неосновной — в рабовладельческий способ производства, который абстрактно мог бы мыслиться и без них. Но, раз возникнув, они взаимодействуют с системой в одинаковом направлении, обуславливают сходство идущих в результате этого взаимодействия процессов. Однако конечные итоги такого взаимодействия будут различны, поскольку различна степень взаимосвязи, а значит, и степень влияния компонентов. Итог развития товарного хозяйства при капитализме — полное проникновение во все сферы экономики общества, обеспечивающее максимальное развитие этого способа производства. В античности итог — перенапряжение хозяйства, уровень которого еще не соответствовал такому широкому внедрению денежных отношений, и возвращение к натуральному хозяйству²⁷. Итоги диаметрально противоположны, но генетические связи²⁸ процесса повторимы, как повторимы обусловленные им явления в надстроечных областях: разорение мелких собственников и концентрация крупной собственности и денег обостряют социальное неравенство, повышают интенсивность эксплуатации, обуславливают численный рост эксплуатируемого класса (каков бы он ни был), а следовательно, приводят к обострению всех классовых и социальных конфликтов и соответственно политической и идеологической борьбы, к изменению государственных форм в направлении, наиболее выгодном для господствующего класса, и так далее.

Выше уже цитировались высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о роли древних общин как основы восточного деспотизма. Положение это подтверждается, между прочим, взаимосвязью между так называемой ориентализацией поздней Римской империи и усилением роли общины в экономической и социальной жизни. Община, исчезнувшая в областях высокоразвитого рабовладения и находившаяся в той или иной стадии разложения в тех районах провинций, где она еще сохранилась, снова укрепляется или заново воссоздается на государственных и частных землях с развитием кризиса рабовладельческого способа производства. При разнообразных вариантах этого процесса преобладало, видимо, направление в сторону возрождения общин того типа, которые К. Маркс связывал с азиатским способом производства. Одновременно в этом же направлении эволюционировала и позднеримская государственность и идеология.

При большей сложности в известной автономии надстроечных систем такие сходные, при несхождении конечных результатов, процессы и их

²⁷ К. Маркс, указывая, что превращение натуральной ренты, натуральных податей и т. д. в денежные возможно лишь при определенном уровне развития производительной силы общественного труда, ссылается как раз на неудачные попытки римских императоров превратить в денежную хотя бы ту часть ренты, которая взималась в качестве государственного налога, и на вынужденное возвращение к натуральному налогу (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 156—157).

²⁸ Генетические связи возникают в процессе развития элементов и связей системы в отличие от функциональных связей, определяющих ее функционирование в какой-то определенный промежуток времени. О генетических и функциональных связях подробно пишут М. А. Барг и В. А. Грушин в названных выше работах. Последний совершенно справедливо подчеркивает, что и те и другие могут повторяться в повторяющихся условиях, если под условиями понимать внутреннее состояние объекта, а не конкретно-исторические условия (В. А. Грушин. Указ. соч., стр. 72). В данном конкретном случае можно говорить о внутренних связях процесса развития товарного производства и денежных отношений.

взаимосвязи еще более возможны и многочисленны. Изучение их в известной мере способно заменить невозможный для исторической науки эксперимент. Системы, имеющие ряд одинаковых элементов, аналогичную структуру и свою внутреннюю логику развития, функционируют в разных исторических условиях. Их взаимодействие с этими условиями позволяет лучше понять присущие им закономерности и общий ход процесса, обуславливающего их возникновение, существование и гибель.

Возьмем такое надстроечное явление, как духовная культура, представляющая собой сложную и до известной степени автономную систему²⁹. Общий характер культуры в конечном счете определяется главными элементами и структурой формации. Но ряд свойственных ей процессов и взаимосвязей сопоставим вследствие некоторых общих закономерностей, присущих культуре как особой системе. Так, по-видимому, наибольшей жизнедеятельностью обладает всякая культура в те периоды, когда наиболее широка ее социальная база, то есть когда к ней приобщаются и участвуют в ее создании все новые, прогрессивные для своего времени социальные слои, запросам которых она отвечает. Напротив, превращаясь в достояние более или менее узкой общественной группы, притом связанной с классом, уходящим в прошлое, культура приобретает черты вырождения — крайний индивидуализм, рафинированное презрение к «массе», пессимизм, иррационализм — и теряет свою эффективность, силу воздействия. Чем кончается этот процесс, опять-таки зависит от конкретных условий, от того класса, который приходит на смену уходящему и создает свою, новую культуру, от характера официальной и государственной идеологии, против которой выступают находящиеся в оппозиции классы и социальные группы. Но в самом ходе процесса, в его общих закономерностях повторяемость несомненна.

Таким образом, по-видимому, можно говорить о неповторимости тех высокоинтегрированных систем, которые составляют сущность и определяют весь характер формаций, и тех законов, по которым они развиваются; и о повторяемости в конгломератах и неосновных, менее интегрированных системах, которая тем более возможна и заметна, чем эти системы более автономны и подвержены действию своих собственных законов и, с другой стороны, чем более однотипны их связи с суперсистемой.

Произвольность в сопоставлении явлений, процессов, очевидно, недопустима, но сопоставления эти возможны при идентичности элементов и структур систем, а также при идентичности их генетических связей. Сопоставление же сходных процессов, как говорил К. Маркс, дает ключ к их пониманию. Сопоставимые процессы возможны в различных, во всяком случае, антагонистических формациях, но вряд ли случайно, что для сравнения с капиталистическим обществом обычно избиралась и избирается античность. Ф. Энгельс как-то заметил, что новое время является отрицанием отрицания античности³⁰. Уже одно это предполагает частичное повторение на иной основе некоторых ее элементов и структурных связей³¹. Оно действительно имеет место, если рассматривать вопрос исходя не из абсолютных показателей греко-римского и современного западного мира, а из их соотношения с предшествовавшими эпохами.

И капиталистическая и античная формы собственности при всем их несходстве складывались за счет более или менее полного разложения общины. Античная форма еще сохраняла черты общины, но под воздействием товарно-денежных отношений они все более и более отступали за

²⁹ О том, что идеология до известной степени развивается согласно особым, своим собственным законам, писал, как известно, Ф. Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 673—674).

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 441.

³¹ Подробно о взаимосвязи изменений структуры с законом отрицания отрицания см. В. И. Свидерский. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л. 1964.

счет укрепления частной собственности. Между тем известно, какое значение придавали классики марксизма общине. Родовой строй германцев омолодил умирающий римский мир, говорил Ф. Энгельс, ибо он сообщил ему качества, уже утраченные римлянами, — храбрость, свободолюбие, демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело³². Эти черты были присущи также грекам и римлянам тех времен, когда элементы государственной, коллективной собственности преобладали над частной внутри античной формы собственности. Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали и отрицательные черты общинных отношений — замедленность темпов развития, ограниченность кругозора, крайне узкие возможности развития личности. Только там, где общинный быт распался, самостоятельное развитие могло идти вперед³³. Разложение элементов общины и в античном и в современном мире (хотя, конечно, в совершенно разных масштабах и под влиянием разных сил) имело следствием: значительную мобильность населения; разрыв старых связей и ослабление или исчезновение обусловленных ими этических и религиозных представлений; развитие индивидуализма; расширение кругозора, а следовательно, ломку традиционного мировоззрения; рост или трансформацию городов и появление «мировых городов», которые, несмотря на различную их основу в античном и современном мире, обладали и некоторыми общими чертами.

Если взять развитие товарно-денежных отношений или уровень развития и дифференциации производства, то они, конечно, не могут быть сравнимы по масштабам и значению в античности и современности. Но если брать их соотношение с предыдущими эпохами, то можно констатировать, что в обоих случаях имел место колоссальный рывок вперед, вызвавший сходные явления. То же относится отчасти к положению непосредственных производителей. При всем различии между рабом и пролетарием их сближает и отличает от членов родовой общины, древневосточных общинников и феодальных крестьян то обстоятельство, что и раб и пролетарий оторваны от средств производства, лишены той естественной формы организации, которую, по словам Ф. Энгельса, давала крестьянам кровнородственная община, или община-марка. В отличие от эпохи феодализма в отношениях между эксплуататорами и эксплуатируемыми рабовладельческого и капиталистического мира отсутствовал элемент традиции, внеэкономическое или экономическое принуждение осуществлялось в гораздо более неприкрытых формах. По-видимому, некоторыми особенностями положения трудящихся классов могут быть объяснены и известные черты сходства в эволюции античного и буржуазного государства. Феодальное государство при «чистом» феодализме могло быть как угодно раздроблено. Усиление государства обуславливалось укреплением третьего сословия. Античное же и буржуазное государства всегда предполагали известную централизацию. Уже Платон, как известно, знал, что господин со своими рабами не мог бы существовать вне полиса. Но пока собственник средств производства мог внутри своей производственной ячейки до определенных пределов сам теми или иными средствами разрешать конфликты, возникавшие между ним и его работниками, античное и буржуазное государства строились на началах демократии. Когда же возрастание размеров таких производственных единиц, число занятых в них людей и обострение классовой борьбы сделали недостаточными силы отдельных представителей эксплуататорского класса, роль государства в обоих случаях заметно возрастает, его вмешательство во все сферы интенсифицируется, демократические институты отходят на задний план. Усиление роли античного и буржуазного го-

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 132.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 185, 188, 463. Подробно на роли различных видов общины останавливается К. Маркс в работе «Формы, предшествовавшие капиталистическому производству». М, 1940.

сударств в отличие от феодального органически связано с самим развитием соответственного способа производства.

Все эти и ряд других моментов позволяют видеть в капиталистической формации отрицание отрицания рабовладельческой, что и дает право сопоставлять некоторые сходные процессы при учете разницы масштабов, а главное — конечных результатов.

Таким образом, как нам представляется, повторяемость в истории может обуславливаться: 1) сходством процессов, вызываемых аналогичными явлениями, возникающими в базисе или надстройке; 2) сходством процессов, присущих определенным стадиям развития формаций; 3) наличием неосновных, менее интегрированных систем и конгломератов в тех суперсистемах, которыми являются формации; 4) законом отрицания отрицания, обуславливающим повторение на новой основе некоторых элементов, присущих ранним ступеням развития, на более высокой его ступени.

Попытаемся в заключение по необходимости кратко разобрать один из возможных примеров.

В нашей литературе неоднократно рассматривались вопросы структуры современного капиталистического общества и тех процессов, которые без достаточных к тому оснований толкуются идеологами неокapитализма как признак падения удельного веса пролетариата и его слияния с «новыми средними слоями», что якобы свидетельствует об изменении характера капитализма и устранении его противоречий. Участники проводившихся по этим проблемам международных дискуссий марксистов отмечали многообразие соответственных процессов: с одной стороны, пролетаризация служащих, интеллигенции, деклассификация ряда групп рабочих; с другой — диктуемое требованиями новой техники подтягивание части рабочих до уровня инженерно-технического персонала. Интенсификация эксплуатации и частичный рост заработной платы, с одной стороны, в результате классовой борьбы пролетариата, с другой — подкупа буржуазией рабочей аристократии. Возрастание числа служащих в непроизводительных сферах, рост бюрократии — и пополнение рядов пролетариата за счет других социальных слоев. Выступавшие подчеркивали, что буржуазные социологи превратно толкуют эти процессы, противопоставляя теории классовой структуры общества теорию социальной стратификации, а понятию «класс» — понятие «социальный слой», определяемое ими бесконечной и неопределенной множественностью признаков, исходя из чего эти социологи делают выводы о слиянии пролетариата и буржуазии в один «средний слой», о мирной трансформации капитализма. В действительности же, если исходить из марксистско-ленинского учения о классах, при многослойности капиталистического общества и отдельных его классов основные классы сохраняются и основные классовые противоречия обостряются. При видимости известной нивелировки отдельные слои или пролетаризируются, как большая часть служащих, интеллигенции, мелкой буржуазии, или, в небольшом числе, сливаются с буржуазией, как высшие государственные служащие, менеджеры, профсоюзная бюрократия.

Как уже упоминалось выше, теория нивелировки применяется и к рабовладельческому обществу, особенно к последнему периоду его существования. На первый взгляд она может показаться оправданной. Класс, или, вернее, класс — сословие рабов, расслаивается. Сперва из него выделяется слой рабов-ремесленников. Высокие требования, предъявлявшиеся покупателями к ремесленным изделиям, были несовместимы с эксплуатацией квалифицированных рабов-ремесленников одними методами принуждения. Рабов надо было заинтересовать в труде. Владельцы давали им мастерские с живым и мертвым инвентарем при условии выплаты части дохода, отпускали рабов на сторону с тем, чтобы часть заработка они оставляли себе, и так далее. Так среди городских

рабов появлялись лица, сами становившиеся обладателями средств производства и рабов. Из их среды выходили отпущенники, сливавшиеся с классом мелких собственников. Затем, с усложнением экономической, политической и культурной жизни, появился слой рабской интеллигенции, рабов — деловых агентов и рабов, занятых в управленческом аппарате. При империи число последних и их вес росли чрезвычайно быстро, и из их рядов выходили крупнейшие богачи государства. Наконец, с началом и развитием кризиса рабства расслоение охватило основную массу сельскохозяйственных рабов, ранее составлявших основу монолитного класса. Развитие агротехники, требовавшее более квалифицированных и инициативных работников, классовая борьба рабов, рост крупного землевладения, вообще несовместимого в тех условиях с эксплуатацией одного только рабского труда, приводили к тем же последствиям и в сельском хозяйстве, которые раньше имели место в ремесле. Рабам давали земельные участки и инвентарь, переводили на положение арендаторов или отпускали на волю и сажали на землю на тех же условиях. Эти процессы нашли отражение и в законодательстве, ограничивавшем произвол отдельных господ и сосредоточивавшем «функции подавления» в руках государства; в фактическом и юридическом признании известной правоспособности рабов; в распространении теории о природном равенстве рабов и свободных; в осуждении излишней жестокости к рабам. В результате часть рабов действительно сближалась со свободными, с владельцами средств производства. Вместе с тем многие из свободного населения беднели и не только вынуждены были работать по найму (что фактически, а частично и в правовом отношении низводило их до уровня рабов), но со временем превратились в рабов и юридически. В середине II в. была санкционирована прежде исключавшаяся самопродажа в рабство совершеннолетних римских граждан. Когда кризис начал приводить к разорению не только мелких, но и средних земле- и рабовладельцев, в рабство стали попадать и они. Одновременно крайне ухудшается положение прежде свободных масс трудового населения — ремесленников, арендаторов-колонов, подвергавшихся закрепощению. Сходное смещение социальных слоев, или, выражаясь словами западных социологов, «мобильность», имело место и к концу существования феодальной формации, когда чем далее, тем более обнаруживалось несовпадение сословной и классовой принадлежности отдельных общественных групп. Невольно напрашивается мысль, не действует ли тут некая общая закономерность, более детальное исследование которой могло бы дать любопытные результаты, хотя и очевидно, что сходные процессы приводили к различным итогам. В античном и феодальном обществах таким итогом явилось формирование новых классов, которые должны были стать основными в новой формации. В современном же капиталистическом обществе новые классы (поскольку, с марксистской точки зрения, «средние слои» таковыми не являются) не возникают, что и естественно, так как на смену капиталистической приходит не новая антагонистическая формация, а бесклассовое общество.

Проблем, в которых исследование далекого прошлого могло бы соприкоснуться с насущными вопросами современности, немало. Их следовало бы более смело и широко ставить, отказавшись не только от питающей циклические теории концепции фатальной повторяемости всех исторических явлений и процессов и их результатов, не только от применения случайных аналогий, поверхностной, ничем не оправданной модернизации, но и от представления об отсутствии некоторых общих закономерностей, действующих в разных формациях, об абсолютной неповторимости совершающихся в них процессов.